

В переулке Цзытан на фоне голубых кирпичных стен уже распустились свежие, сочные листья глициний, густыми гирляндами свисавшие с голых ветвей.

Цинь Ся шел легким шагом, нетерпеливо стремясь поскорее увидеть Юй Цзюцюэ и рассказать ему обо всем, что произошло сегодня в доме Сун.

Подойдя к дому семьи Лю, он поднял руку и постучал в дверь.

— Сейчас, сейчас!

Фан Жун поспешно открыла дверь и, увидев Цинь Ся, радостно улыбнулась:

— Что это тебя сюда принесло?

Цинь Ся передал ей узелок с едой:

— Сегодня я готовил банкет в большом доме, и господин щедро наградил меня продуктами. Все дома не съесть, так что принес вам немного на укрепление сил.

Затем он заглянул вглубь двора и с улыбкой спросил:

— А-Цзю у вас? Я заберу его с собой.

Фан Жун удивленно моргнула.

— А-Цзю? Но он даже не заходил сегодня.

Цинь Ся застыл на месте.

— Как так? Перед выходом мы договорились: если дома никого не окажется, он придет к вам, чтобы не сидеть в одиночестве.

Фан Жун завела его во двор, поставила узелок на стол и озадаченно сказала:

— Это странно. А-Цзю человек очень надежный. Раз уж он обещал, что будет либо дома, либо здесь, значит, он не мог уйти куда-то еще, не предупредив тебя.

У Цинь Ся неприятно заныло под ложечкой. Он быстро перебрал в голове возможные причины и предположил:

— Может, у него появились другие дела... Пойду спрошу у сестры А-Шуан, они часто проводят время вместе.

— Или он мог зайти в ресторан, — попыталась успокоить его Фан Жун. — Взрослый человек, неужели мог просто так пропасть?

Цинь Ся не хотел думать о плохом.

— Вы правы, наверняка ничего страшного. Я загляну к семье Вэй, а если его там нет, пойду в ресторан. Других вариантов нет.

Попрощавшись с Фан Жун, он поспешил к дому семьи Вэй. Там ему открыла Цао Ашуан и сказала, что сегодня встречала Юй Цзюцюэ всего раз.

— Это было где-то в третью четверть часа после утреннего завтрака. По улице проходил торговец, я как раз хотела купить у него цветные нити и увидела, что А-Цзю тоже вышел к воротам. Мы вместе выбрали нитки и кое-какие мелочи, а потом разошлись по домам.

Гэ Сюхун, которая тоже вышла к воротам, заметив выражение лица Цинь Ся, поняла, что что-то случилось.

— Что-то не так? Ты его потерял?

Выслушав объяснения, она переглянулась с невесткой. Цинь Ся заставил себя взять себя в руки.

— Пойду в ресторан.

Гэ Сюхун кивнула:

— Хорошая мысль, вдруг он действительно там. Мы с А-Шуан пока останемся у тебя дома. Если А-Цзю вернется, скажем ему, чтобы не уходил, а то получится, что ты его ищешь, а он тебя, и вы просто разминетесь.

Чжан Син уже давно вернулся в ресторан. Сегодня заведение не работало, и он с увлечением рассказывал брату и сестре Цю все, что видел в доме Сун. В самый разгар его рассказа дверь во двор внезапно распахнулась, и вошел Цинь Ся.

— Чжангуй!

Все трое вышли из кухни, и, услышав, что Цинь Ся ищет Юй Цзюцюэ, Цю Чуань покачал

головой:

— Сегодня сяо-чжангуй не приходил.

У Цинь Ся сердце ушло в пятки. В груди поднялась тяжелая, ледяная тревога. Интуиция подсказывала ему, что Юй Цзюцюэ действительно пропал.

Но из-за особого статуса Юй Цзюцюэ он даже не мог обратиться в ямен. Если поднять слишком много шума, последствия могут быть непредсказуемыми. Поэтому Цинь Ся не стал посвящать троих подмастерьев в истинное положение дел и лишь строго велел:

— О том, что я ишу А-Цзю, никому не говорите. Если кто-то станет расспрашивать о нас, отвечайте, что не знаете.

Затем он повернулся к Цю Чуаню:

— Напиши новый приказ о закрытии. Напиши, что из-за семейных обстоятельств хозяина ресторан приостанавливает работу на три дня.

Когда Цю Чуань кивнул, соглашаясь, Цинь Ся не стал задерживаться и тут же покинул ресторан.

Оставшиеся в ней Чжан Син и брат с сестрой Цю переглянулись. Чжан Син беспокойно взглянул на задний двор, затем подтолкнул Цю Чуаня и Цю Яо обратно в помещение. Все желание обсудить дом Сун мгновенно улетучилось.

Вернувшись домой, Цинь Ся обнаружил, что у его порога собрались все — и Гэ Сюхун с невесткой, и Фан Жун. Завидев его, они тут же обступили его с расспросами:

— Нашел его?

Цинь Ся покачал головой.

— Нет.

Фан Жун в тревоге сцепила пальцы.

— Как такое возможно? Еще день на дворе, не ночь же... Куда он мог пойти?

Гэ Сюхун обернулась к Цао Ашуан:

— Он когда-нибудь говорил тебе, куда может пойти?

Цао Ашуан нахмурилась, вспоминая.

— Мы с ним обычно ходили друг к другу в гости или на речку стирать белье. Других мест у нас не было. В остальное время он, как и Цинь Ся, был или дома, или в ресторане. Я даже не знаю, где его можно искать.

Все снова озадаченно переглянулись. Наконец пришли к выводу, что стоит найти нескольких надежных людей и прочесать окрестности. Но нельзя привлекать слишком много внимания. Если в округе разнесется слух о пропаже молодого гера, любители сплетен могут распустить злые языки, и тогда не миновать неприятностей.

С учетом этого Фан Жун отправилась в переулок Цзытан за Чжэн Синьхуа, а затем зашла в дом Мэн, чтобы позвать Лю Доуцзы, который там помогал строить курятник.

Из дома Вэй пошли Гэ Сяхун и Цао А-шуан. Вэй Чао и Вэй Си, когда вернутся домой, тоже смогут присоединиться к поискам.

В ресторане за порядком оставили следить брата и сестру Цю, а Чжан Син и Чжэн Синьхуа отправились искать вместе.

Но с самого рассвета до глубокой ночи поиски не дали никаких результатов. Уезд Цинань был огромным, и спрятать в нем человека было проще простого.

К вечеру все снова собрались в доме Цинь Ся, но никто не принес вестей. Вэй Чао, один из немногих мужчин в их кругу, к тому же старше Цинь Ся, серьезно сказал:

— Брат Цинь, если так и не найдется, утром надо идти в управление и подавать заявление.

Все присутствующие были простыми людьми из Даюна. Даже живя в уезде, они редко видели уездного чиновника. Для них подача заявления означала, что ситуация серьезная и, возможно, уже несет в себе дурной знак.

Вэй Чао понимал, что Цинь Ся вряд ли хочет слышать такие слова, но кто-то должен был сказать это вслух.

На самом деле, у Цинь Ся уже были подозрения. Ведь только он знал, что Юй Цзюцюэ — не просто обычный гер. За ним стояли сложные, запутанные связи, влияющие даже на дворцовые интриги Даюна. Но он не мог рассказать об этом этим людям, искренне переживающим за него и Юй Цзюцюэ.

Поэтому он только вздохнул и сказал:

— Хорошо. Я останусь дома и подожду его еще одну ночь. Если он не вернется до утра — подам заявление.

Сейчас идти в управление не имело смысла — взрослый гер пропал всего на несколько часов, и чиновники попросту не стали бы разбираться.

— Все изрядно устали и толком не поужинали. Когда А-Цзю вернется, я угощу вас в ресторане хорошим ужином.

Глядя на его натянутую улыбку, все невольно почувствовали жалость. В итоге, кроме Фан Жун и Лю Доуцзы, остальные разошлись по домам. Перед уходом каждый заверил Цинь Ся, что если потребуется помощь, он должен без колебаний обращаться. Цинь Ся поблагодарил их и лично проводил до ворот.

Вернувшись, он пригласил Фан Жун и Лю Доуцзы присесть в главной комнате. Они твердо решили остаться с ним на ночь — ведь в доме Цинь Ся никого больше не было, а единственными, кого можно было назвать его семьей, были они.

Усадив их, он вскоре нашел повод отправить Лю Доуцзы по какому-то поручению.

Фан Жун внимательно наблюдала за ним, несколько раз открывала рот, но не решалась заговорить. Наконец, набравшись смелости, тихо спросила:

— Ся-эр, скажи мне честно... Ты ведь знаешь, почему пропал А-Цзю?

Сердце Цинь Ся на миг замерло, но внешне он сохранил спокойствие.

— Почему вы так думаете, крёстная?

Фан Жун знала, что этот вопрос не ко времени. Но если хорошенько задуматься, то Юй Цзюцюэ с самого начала был окружен тайнами. А Цинь Ся был человеком умным. Каждую ночь спал с этим гером в одной постели — уж он-то наверняка что-то догадывался.

— Я выскажу лишь предположение, не злись на меня... А-Цзю — хороший мальчик, но... может ли быть, что его нашли те, кто искал его все это время?

Цинь Ся промолчал. Он хотел сказать, что у него действительно есть догадки. Но речь шла не о

родственников, а о людях из дворца. По логике событий, согласно оригинальному сюжету книги, в марте Юй Цзюцюэ должен был уже вернуть себе память и начать подготовку к возвращению в Шэнцзин. Однако в оригинале этот отрезок времени описывался вскользь, и Цинь Ся не знал, что именно произошло с Юй Цзюцюэ в уезде Цинань после восстановления памяти.

Едва ли он мог вернуться в столицу один. В противном случае он бы не дошел и до городских ворот, как его голова укатилась бы в придорожную канаву.

Проанализировав ситуацию, Цинь Ся понял, что в уезде Цинань Юй Цзюцюэ каким-то образом связался с людьми, которые когда-то служили наследному принцу.

После отстранения наследника Восточный дворец опустел, а его прежние сторонники либо скрылись, выжидая момент, либо были сосланы в отдаленные земли, утратив всякую надежду на восстановление в чинах. Но среди них немало тех, кто оставался предан наследному принцу и никогда не терял надежды вернуть его на трон.

Судя по дальнейшему развитию событий и характеру Юй Цзюцюэ в оригинальной книге, можно было с уверенностью сказать, что и он, и сторонники Восточного дворца использовали друг друга в своих целях.

Он был тайным ножом Восточного дворца, а Восточный дворец был той дорогой, что шаг за шагом вела его к вершине власти.

Цинь Ся подозревал, что за время своего выздоровления Юй Цзюцюэ успел установить контакт с бывшими подданными Восточного дворца и прийти с ними к соглашению.

Иначе как объяснить, что он, всего лишь пропавший на несколько месяцев евнух, не только беспрепятственно вернулся в запретный город, но и вновь занял прежнюю должность?

Если...

Цинь Ся невольно представил наихудший вариант.

Сюжет книги, вероятно, все равно незримо продвигался вперед, и избежать вовлечения Юй Цзюцюэ в водоворот событий было невозможно. Но сейчас, когда настал март, он скорее надеялся, что его забрали люди Восточного дворца, а не враги. В этом случае, по крайней мере, можно было не опасаться за его жизнь.

Обсуждать это с Фан Жун было нельзя. Но и просто сидеть сложа руки он тоже не мог. Он встал и начал осматривать дом, надеясь найти хоть какую-то зацепку. Фан Жун видела, как он подошел к сундуку у изножья кровати, достал оттуда одежду и постельные принадлежности.

Юй Цзюцюэ всегда был осторожен, и если он оставил что-то важное, то точно спрятал это в малозаметном месте. И действительно, среди вещей неожиданно выпала сложенная бумага.

Цинь Ся поднял ее, и лицо его мгновенно изменилось.

— Ся-эр, что там написано?

Фан Жун не умела читать, но по его реакции поняла, что на бумаге нечто важное.

Цинь Ся заставил себя успокоиться. Записка была написана торопливо, почерк небрежен, фразы обрывочны. Юй Цзюцюэ явно делал пометки наскоро.

Но даже этого хватило, чтобы сложить картину — его память начала возвращаться гораздо раньше. Он по кусочкам восстанавливал свое прошлое.

— Ся-эр? — снова позвала Фан Жун.

Цинь Ся резко пришел в себя и быстро сложил бумагу, лихорадочно придумывая объяснение.

— Это... записки А-Цзю. Он давно их писал, не сейчас.

Фан Жун не стала сомневаться. Раз Юй Цзюцюэ писал красивые иероглифы, значит, мог сочинять прекрасные письма. Наверное, это были какие-то личные строки, предназначенные только для двоих.

— Ладно, не буду расспрашивать. Убери скорее.

Цинь Ся прижал бумагу к груди и задумался. Если память Юй Цзюцюэ действительно почти полностью восстановилась, значит, его исчезновение не было случайностью.

И если он действительно не сможет вернуться, где его искать?

Размышляя, Цинь Ся пришел к выводу, что самым логичным местом будет Шэнцзин. В столице под боком у императора полно ресторанов, в которых частенько обедают князья и сановники. Говорят, даже сам государь не брезговал заказывать еду из таверн, а перед воротами дворца каждый день выстраивалась вереница торговцев.

Юй Цзюцюэ, достигший такого положения, наверняка имел дом и за пределами дворца.

Что ж... возможно, когда Цинь Ся поедет туда и якобы случайно столкнется с ним, тот вспомнит своего «старого мужа»?

Чем больше он думал, тем абсурднее казались ему собственные идеи. Мысли путались, а разум требовал срочной разгрузки.

Не заметив, как оказался на кухне, Цинь Ся замер. Ему нужно было чем-то занять руки, чтобы привести мысли в порядок. Постояв немного, он решительно достал мешок с мукой и решил приготовить паровые булочки. Булочки, только что снятые с пароварки, были пышными и мягкими, размером с ладонь. Когда у Юй Цзюцюэ был хороший аппетит, он за раз съедал по четыре-пять штук.

Цинь Ся высыпал муку в миску, начал месить тесто и снова задумался, обдумывая дальнейший план действий.

<http://bllate.org/book/13601/1206064>